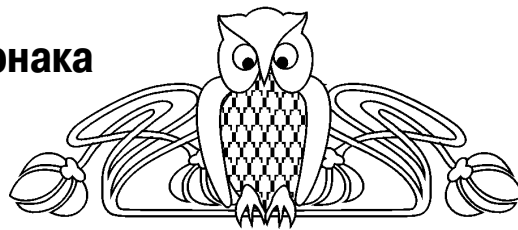

УДК 821.161.1.09-31+929Пастернак

Книга в структуре романа Б. Пастернака «Доктор Живаго»: первая книга

А. И. Ванюков

Ванюков Александр Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ai_vanyukov@mail.ru

В статье анализируется структура романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» как «романа о человеке», причём специально рассматривается композиция первой книги на уровне частей (семь частей) и глав (123 главы), что позволяет отчётливее представить «идею целого» романа.

Ключевые слова: автор, роман, структура, поэтика заглавия, книга, часть, глава, число, слово, композиционный ритм.

Поступила в редакцию: 28.08.2020 / Принята: 03.09.2020 / Опубликована: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

A Book in the Structure of B. Pasternak's Novel *Doctor Zhivago: Book One*

A. I. Vanyukov

Aleksandr I. Vanyukov, <https://orcid.org/0000-0002-7140-4542>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ai_vanyukov@mail.ru

The article analyzes the structure of B. Pasternak's novel *Doctor Zhivago* as a 'novel about a person', the composition of the first book is deliberately studied on the level of the parts (seven parts) and chapters (123 chapters), which allows to picture the 'idea of the whole' novel more distinctly.

Keywords: author, novel, structure, poetics of the title, book, part, chapter, number, word, composition rhythm.

Received: 28.08.2020 / Accepted: 03.09.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-4-460-472>

«Доктор Живаго» Б. Пастернака – вершинный русский роман середины XX в. Творческой истории и судьбе уникального пастернаковского творения посвящена большая исследовательская литература (работы В. М. Борисова¹, Е. Б. Пастернака², их совместные публикации³ и др.). Роман рассматривался с «разных точек зрения»⁴, и если сначала преобладали политические, идеологические аспекты прочтения и интерпретации «Доктора Живаго», то затем на первый план вышла тенденция объективного, целостного изучения романного мира в единстве его идейно-художественного состава, философии и поэтики романного текста, структуры (труды А. В. Лаврова⁵, Б. М. Гаспарова⁶, И. П. Смирнова⁷, Л. А. Колобаевой⁸, С. А. Куликовой и Л. Е. Герасимовой⁹ и др.). Вместе с тем в современной ситуации разведения понятий «текста», «композиции текста» и «романа», «структуры романа», «внешней и внутренней» композиции, «прозаического романа в двух частях и книги стихов»¹⁰ возникает необходимость «вернуться» к роману и попытаться ещё раз прочитать/понять весь текст – от заглавия (поэтики заглавия) до двадцать пятого стихотворения «Гефсиманский сад» части семнадцатой второй книги романа «Доктор Живаго», т. е., говоря словами автора, Б. Пастернака, обнаружить и воспринять «телеологическую идею целого»¹¹ – «большого романа в прозе о человеке»¹².

Самое крупное, значительное, масштабное произведение Б. Пастернака открывается классической – триединой – заглавной сферой, включающей в себя имя автора – Борис Пастернак, название творения/произведения и обозначение жанра – роман, причём название романа состоит из двух слов, дающих в единстве, нарицающих образ человека. То есть в сфере заглавного, главного в заглавии произведения встаёт образ-знак – символ личности/имени: Доктор Живаго. Далее в структуре заглавия идёт второй слой, фиксирующий членение романа на книги и части: Первая книга – часть первая, и намечающий структурный принцип взаимодействия числа и слова, обозначения «мер» романного целого: книга, часть. Затем читателю открывается третий слой поэтики заглавия: часть первая имеет своё заглавие/название – «Пятичасовой скорый» (обратим внимание, что первое слово в названии части первой как раз и свидетельствует: принцип взаимосвязи числа и слова уже действует), нумерацию глав/главок/фрагментов (без их словесного, жанрового нарицания, обозначения) и своё эпическое, романное содержание со своим неповторимым, но структурно значимым ритмом, композиционным числом/кодом.

В части первой «Пятичасовой скорый» 8 главок, которые закладывают восьмигранное, восьмисферное основание романа, вводят в романное действие, начинают сюжет личности. «Шли и шли и пели «Вечную память» <...> «Кого хоронят?» Им отвечали: «Живаго». – Да не его. Её <...> Замелькали последние минуты, считанные, бесповоротные <...> торопливо в четыре лопаты забросали могилу. На ней вырос холмик. На него взошёл десятилетний мальчик <...> мог-

ло показаться, что мальчик хочет сказать слово на материнской могиле <...> Его курносое лицо исказилось»¹³. «Брат покойной и дядя плакавшего мальчика, расстриженный по собственному прошению священник Николай Николаевич Веденяпин... подошёл к мальчику и увёл его с кладбища» (8). Второй фрагмент, второй «этиюд» первой частинепосредственнопродолжаетпервый: «...они ночевали в одном из монастырских покоев... Был канун Покрова. На другой день они с дядей должны были уехать далеко на юг, в один из губернских городов Поволжья <...> ночью Юру разбудил стук в окно. Тёмная келья была сверхестественно озарена белым порхающим светом <...> Дело опять кончилось слезами. Проснулся дядя, говорил ему о Христе и утешал его» (8, 9).

Третья глава вводит в повествование мотив отца и расширяет, и конкретизирует, и мифологизирует «круг» и «время» Живаго: «Маленьким мальчиком он застал ещё то время, когда именем, которое он носил, называлось множество саморазличнейших вещей. Была мануфактура Живаго, банк Живаго, дома Живаго <...> и одно время в Москве можно было крикнуть извозчику «к Живаго», совершенно как «к чёрту на кулички», и он уносил вас на санках в тридцатое царство, в тридцатое государство» (9).

Четвёртая глава прочерчивает маршрут движения «Юры с дядей», намеченный во второй главе, и даёт «вторую поездку дяди и племянника в Дуплянку» (11). Глава органично передаёт и образ времени, народных настроений начала XX в., и образы героев в концентрированном выражении автора-повествователя: «...летом тысяча девятьсот третьего года на тарантасе парой Юра с дядей ехали по полям в Дуплянку, имение шелкопрядильного фабриканта и большого покровителя искусств Кологривова, к педагогу и популяризатору полезных знаний Ивану Ивановичу Воскобойникову. ... Была Казанская, разгар жатвы <...>

– Шалит народ в уезде, – говорил Николай Николаевич. <...> Но оказалось, что Павел [чернорабочий и сторож из книгоиздательства] смотрит на вещи ещё мрачнее, чем даже цензор, умерявший аграрные страсти Воскобойникова» (10, 11);

«Юра был рад, что дядя взял его в Дуплянку <...> Юре было приятно, что он опять встретится с Никой Дудоровым, гимназистом, жившим у Воскобойникова... года на два старше его» (11, 12).

Пятая глава – центральная, кульминационная в первой части романа. В своих «узловых» пунктах и течениях она воссоздаёт и внешнее, событийное, и внутреннее, метафорическое, метафизическое содержание романного действия: «гроза надвигается. Надо собираться» (12), «пойдёмте на обрыв, посидим на лавочке, пока накроют к чаю» (12); «предмет разговора» Николая Николаевича с Иваном Ивановичем: «я думаю надо быть верным бессмертию, этому другому имени жизни, только усиленному. Надо сохранить верность бессмертию, надо быть вер-

ным Христу» (13), «знать, что человек живёт не в природе, а в истории, и что в нынешнем понимании она основана Христом, что Евангелие есть её основание» (14); «духовное оборудование», «главные составные части современного человека» – «любовь к ближнему», «идея свободной личности и идея жизни как жертвы» (14). И далее в двойном переплетении ещё два мотива пятой главы – реки (с паромом) и скорого поезда (скорого из Сызрани): «– Подумайте, только шестой час, – сказал Иван Иванович. – Видите, скорый из Сызрани. Он тут проходит в пять с минутами» (14). Заметим, пятичасовой скорый – это семнадцатичасовой поезд (12+5=17).

«Вдали по равнине справа налево катился чистенький жёлто-синий поезд <...> Вдруг они пришли, что он остановился... Немного спустя пришли его тревожные свистки. – Странно, – сказал Воскобойников. – Что-нибудь неладное. Ему нет причины останавливаться там на болоте. Что-то случилось» (15).

Шестая глава продолжает линию Юриного, детского, восприятия образов матери и отца и фиксирует её «обрывистый/кризисный момент: «Над лужайками слуховой галлюцинацией висел призрак маминого голоса <...> – Мамочка! – в душераздирающей тоске звал он её с неба, как новопричтенную угодницу, и вдруг не выдержал, упал наземь и потерял сознание <...> Вдруг он вспомнил, что не помолился о своём без вести пропавшем отце, как учила его Мария Николаевна <...> – Подождёт. Потерпит, – как бы подумал он. Юра его совсем не помнил» (16).

Седьмая глава «рифмуется» с пятой и показывает, что «случилось» в «пятичасовом» скором поезде, «причины» его остановки, при этом автор находит/даёт новую точку зрения и на «общий поток жизни» (16), движение России («Мимо в облаках горячей пыли, выбеленная солнцем, как известью, летела Россия, поля и степи, города и сёла» (16)), и на «положение человека» («Что значит быть евреем? Для чего он существует? Он был уверен, что, когда он вырастет, он всё это распутает» (17)), и на разворачивающийся жизненный романский сюжет, связывая её (точку зрения) ещё с одним «мальчиком», гимназистом второго класса Мишей Гордоном, который ехал в этом поезде в купе второго класса вместе со своим отцом, присяжным поверенным Гордоном Григорием Осиповичем из Оренбурга в Москву. «Глазами героя – глазами автора», через это двуединое восприятие и даётся картина случившегося в «пятичасовом скором»: как один из пассажиров («первый человек», «известный богач, добряк и шалопут») «бросился на всём ходу со скорого вниз головой на насыпь, как бросаются с мостков купальни под воду, когда ныряют» (17), «тело самоубийцы... на траве около насыпи» («струйка запекшейся крови... перечёркивала... лицо словно крестом вымарки») (18); дорожную «сцену у рельсов», в центре которой оказалась старуха Ти-

верзина как знак «железнодорожной катастрофы» (19); Мишино потрясение «всем происшедшим» (19) и «последний подарок покойного» – «набор уральских минералов в деревянном ящичке» (20).

Восьмая, последняя, главка первой части представляет ещё одного «странного мальчика» – Нику Дудорова: «...его отец, террорист Дементий Дудоров, отбывал каторгу, <...> его мать из грузинских княжон Эристовых была взбалмошная и ещё молодая красавица, вечно чем-нибудь увлекающаяся», «он подражал матери в склонности к высоким материям и парадоксам» (21). Главка воссоздаёт энергию и странности порыва/прорыва мальчика (ему шёл четырнадцатый год) из детства: «А эта Надя? Мальчик и девочка стали рвать кувшинки <...> между ними завязалась драка. Они потеряли равновесие и полетели в воду <...> теперь они молчали и еле дышали, подавленные бессмысленностью случившегося» (23–24).

Таким образом, восемь (1–8) главок первой части романа выстраиваются как 8 (4+4) «стихотворений» с перекрёстной рифмовкой, намечая и раскрывая главное в складывающемся романном целом: заглавие «Пятичасовой скорый», первый круг героев, основные темы, проблемы, способы/принципы их раскрытия, оформления, выражения в слове и числе, структуре части¹⁴. **Часть первая «Пятичасовой скорый» первой книги «Доктора Живаго»** содержит в себе, как в зерне, эпико-генетический код целого – *семнадцати частей* романа: «пятичасовой скорый» – в полном развёрнутом числовом выражении – «семнадцатичасовой» (роман закладывается *семнадцатичастный*), число 8 в структуре части первой – скрытое, вибрирующее число 8 в семнадцати частях романа (17=1+7=8), культурный, мифологический, символический смысл которого – «бесконечность», «вечность», «жизнь после смерти»¹⁵.

Вторая часть романа называется «*Девочка из другого круга*», состоит из 21 главки, которые идут в ритме 4 – 4 – 2 – 7 – 2 – 2. Первые четыре главки вводят в повествование в движении времени («Война с Японией ещё не кончилась» (24)) «круг» семьи Амалии Карловны Гишар: «В это время в Москву с Урала приехала вдова инженера-бельгийца и сама обрусевшая француженка Амалия Карловна Гишар с двумя детьми, сыном Родионом и дочерью Ларой» (24). «Мадам Гишар купила небольшое дело, швейную мастерскую Левицкой близ Триумфальных ворот» и «поселились там» (24, 25), «Мадам Гишар сделала это по совету адвоката Комаровского, друга своего мужа и своей собственной опоры» (24). «Дом был одноэтажный, недалеко от угла Тверской. Чувствовалась близость Брестской железной дороги» (25). Третья и четвертая главки выдвигают в центр образ Лары, её «участь»: «За что же мне такая участь, – думала Лара, что я всё вижу и так о всём болею?» (27) – вопросом завершается 3-я главка, и 4-я главка начинается вопросом, который обозначает романный узел: «Ведь для него

мама – как это называется <...> Так зачем в таком случае он смотрит на меня такими глазами? Ведь я её дочь» (27), а завершается главка Лариным ощущением «страшной черты», «пропасти» (29). Внутри этого романного круга – «круг лошадей, идущих по кругу» (28).

Пятая–восьмая главки разворачивают московский, железнодорожный, антиповский-тиверзинский узел/круг романного действия, причём повествование прочно связывает время («Осенью происходили волнения на железных дорогах Московского узла (29), «Вскоре после манифеста семнадцатого октября задумана была большая демонстрация» (37)) и человеческие судьбы, внешнее («Внешний повод») и внутреннее существо событий («есть поважнее материи» (29–31)). Главки последовательно фиксируют/рисуют человеческие «узлы» взаимоотношений/взаимосвязей: начальник дистанции инженер путей сообщения Фуфлыгин и дорожный мастер привокзального участка Павел Ферапонтович Антипов (30), Антипов и Тиверзин, Тиверзин и старый мастер Пётр Худолеев, «узелок» с Юсупкой, сыном дворника Гимазетдина с тиверзинского двора (32), возвращение Тиверзина домой, разговор с женой, Марфой Гавриловной (36–37). Восьмая главка воспроизводит образ времени после «манифеста семнадцатого октября» (37) – «был сухой морозный день начала ноября», данный как бы через восприятие Марфы Гавриловны Тиверзиной и «веселого и общительного» Патули Антипова с его комическим талантом «передразнивать всё, что видел и слышал» (37).

Девятая и десятая главки – веденяпинские: Николай Николаевич, который «остановился у Свентицких, своих дальних родственников», видит «бегущих с демонстрации», ему «почудилось», что он видит «сына Дудорова» (41), он вспоминает «прошлогодную петербургскую зиму» (42), затем «мысли его обратились к племяннику», «он привёз Юру в Москву в родственный круг Веденяпиных, Остромысленских, Селявиных, Михаелисов, Свентицких и Громеко <...> Юру перевели в профессорскую семью Громеко, где он и по сей день находился» (42, 9-я гл.), встречает пришедшего к нему по делу толстовца Нила Феоктистовича Выволочнова. Разговор «подвигался скачками» (42, 10-я гл.), и в самом высоком «скачке» Николай Николаевич (вместе с Автором) так формулирует свою нравственно-философскую позицию: «До сих пор считалось, что самое важное в Евангелии нравственные изречения и правила, заключенные в заповедях, а для меня самое главное то, что Христос говорит притчами из быта, поясняя истину светом повседневности. В основе этого лежит мысль, что общение между смертными бессмертно и что жизнь символична, потому что она значительна» (44–45). Естественным продолжением этой «высокой мысли» стали записи Николая Николаевича («он не вёл дневников, но раз или два в году записывал в общую тетрадь наиболее поразившие его мысли» (45)): о

«дуре Шлезингер» и «стихотворном тексте сим-волиста А», «запросах современного человека», «духе нынешнего искусства», «страницах летописи человечества» и явлении человека, «богочеловека» (45–46).

Центральное место во второй части занимает следующий «блок» из 7 глав (11–17-я). Это – Ларина история, Ларин «случай», Ларина «участь», «заколдованный круг», в котором оказались Комаровский и Лара. Показательно, что логика движения событий и человеческой судьбы идёт в этих семи главах в соответствии с уже заявленным в романе (Веденяпинские главы) пониманием человека, «Христовым мнением» об «участи растоптанных» (52).

Глава 11-я прямо представляет «джентельмена» Виктора Ипполитовича Комаровского, его образ жизни и бытия (экономка Эмма Эрастовна, спутник Константин Илларионович Сатаниди, планирование по тротуарам Кузнецкого). Глава 12-я на фоне московской оттепели фиксирует, как Лара «поняла, что случилось» («теперь она – падшая, она – женщина из французского романа»): «Господи, как это могло случиться» (47). В 13-й главке Комаровский «мечется, как зверь, по комнате», Лара проникла в его душу: «она была бесподобна прелестью одухотворения» (48); его воскресная прогулка не удалась (48), его собака «ревновала хозяина к Ларе», «он стал избивать бульдога тростью и ногами» (49). 14-я, 15-я, 16-я главки воссоздают тот «заколдованный круг», в котором оказалась Лара: «дело было не так просто» (49), «нюющая надломленность и ужас перед собой надолго укоренились в ней» (50, 14-я гл.), «он был её проклятием, она его ненавидела» (50, 15-я гл.); «не она в подчинении у него, а он у неё. Разве не видит она, как он томится по ней? Ей нечего бояться, её совесть чиста» (50); «И он продолжал водить её под длинной вуалью в отдельные кабинеты этого ужасного ресторана <...> И она спрашивала себя: разве когда любят, унижают?» (51, 16-я гл.). В 17-й главке в романе появляется мотив «внутренней музыки», важный для понимания авторской концепции личности и принципов внутреннего строения текста, композиции романа: «Этой музыкой было Слово Божие о жизни, и плакать над ним Лара ходила в церковь» (51). «Раз в начале декабря» (51) Лара идёт в церковь вместе с Олей Дёминой (первое появление в 3-й главке (26), затем – в 12-й (48)). «Она пришла к началу службы. Пели псалом: Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его» (51), и в конце службы и главки – Ларина участь: «Лара... вздрогнула и остановилась. Это про неё. Он говорит: завидна участь растоптанных. Им есть что рассказать о себе. У них всё впереди. Так он считал. Это Христово мнение» (52).

Следующие две главки – 18-я и 19-я – связывают Ларину судьбу с «днями Пресни», «полосой восстания» (52) и расширяющимися и пересекающимися кругами романного действия.

В 18-й главе в Ларину сферу входят «Ника Дудоров, приятель Нади, у которой она с ним познакомилась» («он был Лариного десятка... и не был ей интересен» (52)), и «реалист Антипов, живший у старухи Тиверзиной, бабушки Оли Дёминой» («Паша Антипов был так ещё младенчески прост, что не скрывал блаженства, которое доставляли ему её посещения» (52)) – «Мальчики играли в самую страшную и взрослую из игр, в войну» – «Хорошие, честные мальчики, думала она. – Хорошие. Оттого и стреляют» (53).

В 19-й главке действие сосредоточивается «внутри круга» Гишаров, и здесь автор уверенными эпическими мазками передаёт связь общего и частного. Забастовавшие мастерицы объясняют мадам Гишар: «У нас зла на вас нет, мы очень вами благодарны. Да ведь разговор не об вас и об нас. Так теперь у всех, весь свет. А нечто супротив него возможно?» (54) – вот один из кардинальных вопросов романа. Лара утешает мамочку: «Всё, что происходит сейчас, кругом, делается во имя человека, в защиту слабых, на благо женщин и детей <...> От этого когда-нибудь будет легче мне и вам» (54). По дороге к «Черногории» Лара думала: «Какое счастье, она не увидит Комаровского всё то время, что они будут отрезаны от остального города <...> Ах, Боже, да пропади всё пропадом, только бы конец» (55). «Лара шла быстро. Какая-то сила несла её, словно она шагала по воздуху, гордая, воодушевляющая сила. / О, как задорно шёлкают выстрелы, – думала она. Блаженны поруганные, блаженны оплетенные» (56).

Последние две главы второй части – 20-я и 21-я – представляют дом и «круг» Громеко («Громеко были образованные люди, хлебосолы и большие знатоки и любители музыки» (56)), прерванный ход вечера камерной музыки в доме Громеко «в январе тысяча девятьсот шестого года» (20-я глава) и таинственное перемещение мальчиков (Юры и Миши Гордона) вместе с Александром Александровичем Громеко в другое «свихнувшееся пространство» (60), в «случай в двадцать четвёртом номере» гостиницы «Черногория»: «старую дуру Гишарову отпаивали, давали ей рвотного и полоскали кишки и желудок» (61) – «травилась йодом, а не мышьяком, как ошибочно язвила судомойка» (62). Травившаяся женщина говорит врачу: «У меня были такие подозрения, Фадей Казимирович <...> Но, к счастью, оказалось, что всё глупости, моё расстроенное воображение. Фадей Казимирович, подумайте, какое облегчение» (62). «Их приезд был бессмыслицей, их дальнейшее пребывание здесь – неприличием» (63). Но вторая часть заканчивается неожиданным, казалось бы, «узлом»/«кругом», в котором Юра становится свидетелем «немой сцены» «между девушкой и мужчиной»: «Они не сказали друг другу ни слова и только обменивались взглядами <...> Зрелище порабощения девушки было неисповедимо таинственно и беззастенчиво откровенно. Противоречивые чувства теснились в

груди у него. У Юры сжималось сердце от их не-испытанной силы» (64). На улице Миша говорит об этом человеке: «Это тот самый, который спавивал и погубил твоего отца. Помнишь, в вагоне – я тебе рассказывал». / Юра думал о девушке и будущем, а не об отце и прошлом <...> Они поехали» (64). Финал второй части и замыкает этот (второчастный, 21-я глава) круг повествования и выявляет в нём внутренние силы, энергии, ростки, направления/развития движения.

Часть третья книги первой романа называется «*Ёлка у Свентицких*» и состоит из 17 глав. В своём заглавии она нарицает временной, знаковый рубеж/действие и семейный, родовой круг, непосредственно продолжая центральный композиционный фрагмент части второй (Николай Николаевич Веденяпин в доме Свентицких: 8–10-я главки) и выстраиваясь в движении/строении по кольцевому принципу: 4 – 5 – 5 – 3. Причём первые четыре главки композиционно продолжают линию Громеко – Юрий Живаго, которой завершалась часть вторая (20–21-е главки). В этих главах автор завязывает еще несколько (4) «внешних» и «внутренних» романских узлов. В первой главе, которую можно назвать «Старинный гардероб» или «Падение», Анна Ивановна Громеко падает вместе с гардеробом: «Распускной узел, которым Маркел стянул наскоро борта, разошелся. Вместе с досками, грохнувшись на пол, упала на спину и Анна Ивановна и при этом больно расшиблась» (65); «С этого падения началось предрасположение Анны Ивановны к легочным заболеваниям» (66). Следующие, 2-я и 3-я, главки через болезнь Анна Ивановны (ноябрь одиннадцатого года) показывают нового Юру – профессиональное становление героя-доктора и поэта. В каждой из этих глав можно выделить по два повествовательных узла, ярко раскрывающих авторские представления о жизни, истории, творчестве, «книге», «эпюде», «картине»: «Юра хорошо думал и очень хорошо писал <...> Юра понимал, насколько он обязан дяде общими свойствами своего характера. <...> Юру дядино влияние двигало вперед и освобождало» (67, 2-я гл.). Третья глава даёт и безошибочный диагноз хода болезни Анны Ивановны: «Все признаки крупозного. Кажется, это кризис» (68), «завтра вам станет лучше – есть признаки» (69), и «заговаривание», «лечение наложением рук» (70), и «целую лекцию» о «воскресении» (69–70). В конце 4-й главки Анна Ивановна соединила соприкоснувшиеся руки Юры и Тони («Вот я и сговорила вас» (72)), которые пришли к ней, «встали плечом к плечу у её постели» («в их первых в жизни выходных платьях»: они собирались обновить эти наряды двадцать седьмого, на традиционной ежегодной ёлке у Свентицких» (70).

Следующий большой композиционный «пролёт» третьей части (5–9-е главы) раскрывает решающие, поворотные моменты жизни Лары с весны девятисот шестого года до рождества, 27 декабря одиннадцатого года: «шесть месяцев

её связи с Комаровским превысили меру Лариного терпения»; «Лара быстро пришла к решению, надолго изменившему её жизнь» (73); написала соседке по парте, Наде Кологривовой: «Надя, мне нужно устроить жизнь отдельно от мамы» (74, 5-я гл.); «Больше трёх лет Лара прожила у Кологривовых как за каменной стеной» (74), «на четвёртый год Лариной беззаботности к ней пришёл по делу братец Родя» – он проиграл семьсот рублей – «Эти деньги она достала у Кологривовых» (75, 6-я гл.); «Летом одиннадцатого года Лара в последний раз побывала у Кологривовых в Дуплянке» (76); «Лара считала своё положение ложным и невыносимым» (77), «Паша, Липа, Кологривовы, деньги – всё это завертелось в голове у ней. Жизнь опротивела Ларе. В этом настроении она на Рождество девятисот одиннадцатого года пришла к роковому решению» (78); «С этой целью она двадцать седьмого декабря вечером отправилась на Петровские линии», «задуманый выстрел уже грянул в её душе» (79, 7-я гл.). В 8-й главе Лара в городе, в Москве, между Петровскими линиями («Виктора Ипполитовича не оказалось дома <...> Эмма Эрастовна сказала, что он в гостях на ёлке» (79)) и Камергерским: «Была зима. Был город. Был вечер. Была ледяная стужа <...> “Я больше не могу, я не выдержу, – почти вслух вырвалось у ней. – Я подымусь и всё расскажу ему”» (79). 9-я глава воссоздаёт ещё один – второй – сговор этой части: Лара у Патули. «Лара любила разговаривать в полумраке при зажженных свечах <...> Комната наполнялась мягким светом. Во льду оконного стекла на уровне свечи стал протаивать черный глазок. / – Слушай, Патуля, – сказала Лара. – Если ты меня любишь и хочешь удержать меня от гибели, не надо откладывать, давай обвенчаемся скорее. – Но это моё постоянное желание, – перебил он её <...> Но скажи мне проще и яснее, что с тобой, не мучай меня загадками. / Но Лара отвлекла его в сторону, незаметно уклонившись от прямого ответа» (80).

Вторая пятёрка глав (10–14-я) по заглавию третьей части показывает ёлку у Свентицких, «круг» событий и двойной/неладный исход «за ёлочными кулисами». Непосредственно за 8–9-й, Лариными главами идёт 10-я – Юрина глава, зеркально отражая предыдущее и вместе с тем показывая изменения во взгляде героя («Глаз он знал с доскональностью будущего окулиста. / В этом интересе к физиологии зрения сказались другие стороны Юриной природы – его творческие задатки и его размышления о существовании художественного образа и строении логической идеи» (80–81)) и во взаимоотношениях Юрия и Тони: «Недавняя сцена у Анны Ивановны обоих переродила. Они словно прозрели и взглянули друг на друга новыми глазами» (81).

Наглядно и убедительно демонстрирует 10-я главка третьей части авторские композиционные принципы и способы «строения» и в малом, и в большом масштабах. «Тоня и Юра ехали в из-

возничьих санках на ёлку к Свентицким <...> Юра вспоминал... перескакивал с этих мыслей на другие <...> Юра смотрел по сторонам и видел то же самое, что незадолго до него попало на глаза Ларе <...> Они проезжали по Камергерскому. Юра обратил внимание на чёрную протаявшую скважину в ледяном наросте одного из окон. Сквозь эту скважину просвечивал огонь свечи <...> «Свеча горела на столе. Свеча горела», – шептал Юра про себя начало чего-то смутного, неоформившегося...» (82).

Главки 11–14-я очерчивают «круг» ёлки у Свентицких во внешнем и внутреннем содержании, через восприятие Юры с Тоней и Лары: «Всё то время, что они сидели со Свентицким, Лара была в зале» (84); «Лара увидела как в зеркале всю себя и всю свою историю» (85); «Вдруг в доме раздался выстрел» (86); «Юра обомлел, увидав её, – та самая! И опять при каких необычных обстоятельствах. И снова этот седоватый. Но теперь Юра знает его» (87); «за ними приехали, дома что-то неладное» (87).

Последние три главки (15–17-я) завершают/закольцовывают третью часть, показывая смерть Анны Ивановны и горе Тони и Юры. Автор точно фиксирует изменения в духовном опыте героя: «Десять лет тому назад, когда хоронили маму, Юра был совсем ещё маленький <...> Совсем другое дело было теперь. <...> Он чувствовал себя стоящим на равной ноге со вселенною и совсем по-другому выстаивал панихиды по Анне Ивановне, чем в былое время по маме» (89); «Это было то самое, памятное кладбище, место упокоения Марии Николаевны» (91, 17-я гл.). И далее в финале третьей части в органическом единстве идут две авторские формулы «целого» искусства и произведения (поэтического или прозаического): «Сейчас как никогда ему было ясно, что искусство всегда, не переставая, занято двумя вещами. Оно неотступно размышляет о смерти и неотступно творит этим жизнь. Большое истинное искусство, то, которое называется Откровением Иоанна, и то, которое его дописывает» (91–92).

Четвёртая часть романа «Назревшие необходимости» состоит из 14 глав, которые идут в композиционном/структурном ритме 4 – 4 – 2 – 2 – 2 и своим убыстряющимся ходом как раз и показывают новые романские назревшие необходимости. Первые четыре главы передают ход и изменения в Лариной судьбе: Комаровский, который «рвал и метал» (92) и «снова испытывал, до чего неотразима эта отчаянная, сумасшедшая девушка» (93), находит выход из скандального положения, решает – «У неё была нервная горячка» (93, 1-я гл.); «Выздоровев, Лара переехала на новое пепелище, расхваленное Кологривовым» (96, 2-я гл.). В третьей главке – назревшие необходимости в отношениях Лара и Паши: «Их венчали в Духов день, на второй день Троицы» (97), «За эту ночь, продолжительную как вечность, недавний студент Антипов <...> побывал на верш

блаженства и на дне отчаяния. Его поразительные догадки чередовались с Лариными признаниями» (98); «В жизни Антипова не было перемены разительнее и внезапнее этой ночи» (99).

«Через десять дней друзья устроили им проходы в той же комнате» (99, начало 4-й гл.), проходы с Лариным видением, как «по двору хромающими прыжками передвигалась стреноженная лошадь» (100); подаренным Надей «редкой красоты ожерельем» (101), «переполохом» с вором (101–102), а в конце «поезд тронулся плавно <...> поезд пошёл быстрее» (102), увозя молодожёнов в Юрятин, «место их нового жительства» (100).

Вторая четвёрка глав начинается следующий «квант»/период романного действия – военный период: «Третий день стояла мерзкая погода. Это была вторая осень войны. Вслед за успехами первого года начались неудачи <...> Мы очищали Галицию» (102). Второй абзац 5-й главы представляет «доктора Живаго, которого звали прежде Юрою, а теперь один за другим всё чаще по имени-отчеству» (102). Глава передаёт переживания Юрия Андреевича в связи с родами Тони, рождением мальчика, оказывается, что доктор поставил правильный диагноз умершей «на днях» больной («Вот это, говорят, диагност» (106)), а в финале главы главный врач больницы говорит Живаго: «Опять пересмотр вашей категории <...> Придётся вам понюхать порошу» (106). В финале 6-й главки находит «желанный выход» из своего положения Павел Павлович Антипов (юрятинская жизнь Антиповых: «Лара вся была в трудах и заботах. На ней были дом и их трёхлетняя девчурка Катенька» (107); Антипов «преподавал в гимназии латынь и древнюю историю»). 7-я главка воссоздает маршрут душевных переживания Лары: «А приносить семью в жертву какому-то сумасшествию не стыдно? Добровольцем <...> Вдруг она поняла, что дело совсем не в этом. Неспособная осмысливать частности, она уловила главное» (110), и её передвижения вслед за мужем: «сдала при больнице экзамен на звание сестры милосердия <...> С Катенькой на руках поехала в Москву <...> поступила сестрой милосердия на санитарный поезд, отправляющийся на границу Венгрии <...> откуда Паша написал ей своё последнее письмо» (111–112). Главка 8-я повествует о пути Гордона в прифронтовой полосе к дивизионному лазарету, где работал Живаго (112–113). Эта четвёрка глав выглядит как «четверостишие» с кольцевой рифмовкой. Далее идут три эпических «двустихия»: три сцены по две главки: 9–10-я, 11–12-я и 13–14-я.

В 9–10-й главах передаются «внезапные перемены» на фронте («В эти дни фронт зашевелился» (113)) – и «в этой обстановке взят был в плен прапорщик Антипов» (113): 9-я глава показывает трагическую соотнесённость однополчан Антипова и Галиуллина на фронте («Галиуллин знал Антипова с Тиверзинских времён <...> Антипов казался заколдованным, как в сказке. И вот его не

стало, и на руках у Галиуллина остались бумаги и фотография Антипова и тайна его превращения» (116)). В атмосфере «страшной путаницы» проходит общение Гордона и доктора Живаго: «В течение этих дней они переговаривали обо всём на свете. Гордон знал мысли приятеля о войне и о духе времени» (118). 10-я глава заканчивается большим предложением, которое точно раскрывает как ход военных действий, так и «дух времени», авторскую формулу события, случая, встречи/встречи, узнавания/неузнавания (120).

Главы 11–12-я связывают факт, случай и философию факта, случая: Живаго рассказал Гордону, как он видел на фронте государя. «Он хорошо рассказывал. Это было в его первую весну на фронте» (121); «В те дни государь объезжал Галицию» (122), и Живаго говорит, что «смущённо улыбающийся государь <...> был по-русски естественен и трагически выше этой пошлости. Ведь в России немыслима эта театральщина» (122) и далее, развивая мысль о народе и «новом Дале», приводит оригинальную формулу существа факта: «... что фактов нет, пока человек не внес в них чего-то своего, какой-то доли вольничавшего человеческого гения, какой-то сказки» (123). И мысли философа Гордона («Все эти мысли у меня, как и у тебя, от твоего дяди») идут в том же русле: «Христианство, мистерия личности и есть именно то самое, что надо внести в факт, чтобы он приобрёл значение для человека» (124).

В конце 13-й главы Живаго и Гордон «простились у околицы» («Деревня была под обстрелом. Лазарет и учреждения срочно вывозили» (125)), а вскоре Живаго «свалила с ног воздушная волна разрыва и ранила шрапнельная пуля». Юрий Андреевич упал посреди дороги, обливаясь кровью, и потерял сознание» (126). Последняя, 14-я глава четвёртой части итожит события войны, воссоздавая «поразительные случайности» в эвакуационном госпитале Западного края в «тёплые дни конца февраля» (126). В офицерскую палату выздоравливающих, где находятся Юрий Андреевич и Галиуллин, входит Лара (126), Галиуллин говорит ей об Антипове («Антипов в плену» (127)), Лара не поверила Галиуллину, затем «удивлённо посмотрела на этого курносого, ничем не примечательного незнакомца» (128) – Юрия Андреевича. Повествование проникается мыслями, раздумьями, планами героев: «Вдруг всё переменялось <...> Но в её случае, – вовремя спохватилась Лара, – такой целью и безусловностью будет Катенька. Теперь, без Патулечки, Лара только мать и отдаст все силы Катеньке, бедной сиротке» (128–129); «Юрию Андреевичу писали, что Гордон и Дудоров без его разрешения выпустили его книжку, что её хвалят и пророчат ему большую литературную будущность» (129); «Ветер плакал и лепетал: “Тоня, Шурочка, как я по вас соскучился, как мне хочется домой, за работу”» (129); «Весь день она ходила с тем “двором” в душе и всё охала и почти вслух размышляла: “По-

думать только, Брестская, двадцать восемь. И вот опять стрельба, но во сколько раз страшней”» (129). В финале 14-й главы четвёртой части в госпитальное помещение врываются «события чрезвычайной важности»: «В Петербурге уличные беспорядки. Революция» (130).

Четыре части романа с «неизбежностью» привели героев к этому историческому, временному рубежу, и автору важно показать «внутренний», человеческий смысл события, «явления революции», и следующие три части первой книги – в самих заглавиях: «*Прощание со старым*», «*Московское становище*», «*В дороге*», и в содержательном строе (а также и числовом) – показывают и процесс движения, и «становище», «становление» человека «в дороге» жизни. Показательно, что части пятая и шестая состоят из 16 главок, а часть седьмая – самая большая: в ней 31-я глава.

Шестнадцать главок пятой и шестой частей первой книги «Доктора Живаго» строятся и разворачиваются по формуле 4 – 4 – 4 – 4 и дают образы *двух городов*¹⁶ – Мелюзеева и Москвы, двух страниц времени и жизни героев.

«Городок назывался Мелюзеевым. Он стоял на чернозёме» (130) – начинается 1-я глава пятой части, и далее идёт повествование о городке, «компании» (доктор Живаго, поручик Галиуллин, сестра Антипова), «столкновениях» Юрия Андреевича с Антиповой в работе и «столкновении» Юрия Андреевича с женой Тоней из-за Антиповой (три письма 2-й гл. (131–132)), двух больших дорогах, которые вели из Мелюзеева, судьбе Зыбушинской республики (сектант Блажейко объявил «новое тысячелетнее зыбушинское царство» (132, 3-я гл.)), госпитале в двухэтажном особняке (графини Жабринской), который «стоял на скрещении улицы с центральной площадью города», и его обитателях, двух женщинах – мадемуазель Флери и кухарке Устиньи («родом зыбушинская» (134)): «женщины были нежно привязаны друг к другу и без конца друг на друга ворчали» (135, конец 4-й гл.).

В драматическом центре следующих четырёх главок пятой части встают в последовательности: подготовка Юрия Андреевича к отъезду и объяснению («неприятному» (139)) с Антиповой, подготовка «нового комиссара Гинце» («совершеннейшего мальчика» (135)) к подвигу («Пусть бунтовщики, пусть даже дезертиры, но это народ, господа <...> А народ ребёнок, надо его знать, надо знать его психологию, тут требуется особый подход» (138)), течение жизни, жизнь природы («Была жаркая и душная ночь <...> Ночь была полна тихих, таинственных звуков <...> Пахло всеми цветами на свете сразу <...> Всё кругом бродило, росло и восходило на волшебных дрожжах существования» (139–140, 6-я гл.); «Луна стояла уже высоко на небе» (141, начало 7-й гл.)), «скрещенье» на ночном митинге двух речей – комиссара Гинце и Устиньи, и, наконец, «объяснение» между Юрием Андреевичем и Ларисой Фё-

доровной в буфетной (Лариса Фёдоровна гладила (143), в процессе которого доктор Живаго объясняет «всю небесную» и земную механику» (145) и вместе в тем волнуется, допускает «непоправимую неловкость» (146), на что Лариса Фёдоровна «тихо, как бы про себя» отвечает: «Ах, как я всегда этого боялась. Какое роковое заблуждение!» (146). «Больше таких объяснений между ними не повторялось. Через неделю Лариса Фёдоровна уехала» (147) – финал 8-й главки.

Вторая кульминация пятой части – 9–12-я главки – три дня перед отъездом Живаго из Милюзеева, с двумя грозами: «Ночью перед его отъездом из Мелюзеева была страшная буря» (147, 9-я гл.); «Парило, когда уезжал Юрий Андреевич. Опять собиралась гроза, как третьего дня» (155, 12-я гл.), «солдатскими волнениями», «роковым ходом... событий», в результате которых был убит несчастный Гинц (154, 10-я гл.).

Последние четыре главки пятой части (13–16-я) – железнодорожные, путевые, сюжет возвращения доктора Живаго домой, в Москву: сначала движение «секретного поезда» («Чудом доктор протиснулся на площадку и потом ещё более необъяснимым образом в коридор вагона» (156); «Всюду шумела толпа. Всюду цвели липы» (157, 13-я гл.)), затем «таинственный поезд особого назначения», в одном из купе которого Живаго оказывается вместе с глухонемым охотником («у него была двойная фамилия. Его звали Максим Аристархович Клинцов-Погоревших, или просто Погоревших» (162)) с его «фантазмагорией» (в том числе зыбушинская история) и движение мыслей героя: «...было два круга, два неотвязных клубка, которые то сматывались, то разматывались» (159–160), завершающиеся в финале пятой части формулой «истинного события», «истинного» – в понимании героя и Автора – искусства: «Первым истинным событием после долгого перерыва было это головокружительное приближение к дому, который цел и есть ещё на свете и где дорог каждый камешек. Вот что было жизнью, вот что было переживанием, вот за чем гонялись искатели приключений, вот что имело в виду искусство – приезд к родным, возвращение к себе, возобновление существования» (164); «Поезд подходил к дебаркадеру <...> Глухонемой протягивал доктору дикого селезня, завернутого в обрывок какого-то печатного воззвания» (165).

Часть шестая романа называется «Московское становление», состоит из 16 глав и содержательно раскрывает эту «часть» романной истории, которая пишется во взаимодействии точек зрения всезнающего Автора, живущего героя и как бы его воспоминаний («потом в воспоминаниях ему казалось» (165)). Доктор Живаго подъезжает в Москве к «родному дому» («показался на углу двух переулков родной дом» (165)), встречается с женой Антониной Александровной («Они стояли с корзиной и чемоданом посреди тротуара» (167)), Маркелом (он «внёс вещи в сени» (168,

1-я гл.)). Во 2-й главе жена вводит мужа в домашнюю обстановку и атмосферу («Новость <...> Николай Николаевич приехал» (169)); план Тони: «Бог даст, перезимуем», «отпразднуем принятие твоего плана» (170), в разговоре они поднимаются «вверх». Третья глава передаёт «главную новость» Юрию Андреевичу – его встречу с сыном («это действительно плакал Сашенька» (171); «он вышел из комнаты <...> с чувством недоброго предзнаменования» (173)). Четвёртая, большая глава завершает первое «четверостишие» шестой части, рисует картину «вечера» («Вечер с уткой и спиртом» (173)) у Живаго, встречу «гостей его круга»: Гордон, Дудоров, дядя Николай Николаевич («это было поразительное, незабываемое, знаменательное свидание» (176–177), «Юрий Андреевич с наслаждением слушал теля» (179), Шура Шлезингер говорила: «Молодец, молодец. Читала. Ничего не понимаю, но гениально. Это сразу видно» (179); «Ты должен, должен, понимаешь ли, как Антей, прикоснуться к земле» (180)). Глава начиналась ощущением одиночества героя («обнаружилось, до какой степени он одинок» (173)), шла по нарастающей к выстраданному «слову» захмелевшего пророка-поэта: «Надвигается неслыханное, небывалое <...> Революция и есть это наводнение» (180); «Я тоже думаю, что России суждено стать первым за существование мира царством социализма» (181), а заканчивается картиной грозы («А ведь, видно, гроза была, пока мы пустословили, – сказал кто-то <...> Прокатился гром, будто плугом провели борозду через всё небо, и всё стихло» (181)), послегрозы («Вдруг, как электрические элементы, стали ощутимы составные части существования, вода и воздух, желание радости, земля и небо <...> – Как поздно, – сказал Юрий Андреевич. – Пойдём спать. Изю всех людей на свете я люблю только тебя и папу» (182)).

Вторая четвёрка глав – 5–8-я – шестой части воссоздаёт московскую осень 1917 г. в жизни доктора Живаго. Повествование полно, правдиво передаёт глубинное движение русской жизни и времени: «Прошел август, кончался сентябрь. Нависало неотвратимое» (182); «жадными глазами вдохновения смотрел на облака и деревья... и был готов принести себя в жертву, чтобы стало лучше, и ничего не мог» (182–183); «Он опять поступил на службу в свою старую больницу <...> он писал здесь свою “Игру в людей”, мрачный дневник или журнал тех дней, состоящий из прозы, стихов и всякой всячины» (183), и окна «замазывать поря» (184), и «печка дымит» (185), и «место сквозное» (186), и «фонари ... слабо светят» (186, 5-я гл.). В 6-й главе рисуется «случайность» «незадолго до октябрьских боёв» (186): доктор спас человека, оказавшегося «видным политическим деятелем», и «в его лице приобрёл на долгие годы покровителя» (187). Глава 7-я фиксирует ход событий на рубеже октябрьского «воскресенья»: «Было воскресенье» (187, начало главы), «неудачная топка разрушила

воскресные планы» (187). Юрий Андреевич спасает положение, врывается Николай Николаевич с сообщением: «— На улицах бой» (188); репортаж о событиях продолжает Гордон: «новые подробности» (189). «В эти дни Сашеньку простудили <...> на третью ночь у Сашеньки сделался припадок ложного крупа. Он горел и задыхался» (189); «Это был разгар уличных боёв» (189); «отовсюду доходили слухи, что рабочие берут перевес <...> Тогда ушли из своего трёхдневного плена Гордон и Николай Николаевич» (190). Восьмая глава показывает героя на переломе времён, его осмысление революции, причём повествование соотносит природное и человеческое, бытовое, случайное и историческое, вечное. «Как-то в конце старого октября, часов в десять вечера» Юрий Андреевич «быстро шел по улице, направляясь без особой надобности к одному близко живущему сослуживцу <...> порошил первый снежок с сильным и всё усиливающимся ветром» (191), «вдруг снег повалил густо-густо и стала разыгрываться метель» (192), «что-то сходное творилось в нравственном мире и в физическом, вблизи и вдали, на земле и в воздухе» (191), «на одном из перекрёстков» Юрий Андреевич купил у мальчишки-газетчика свежее отпечатанный номер с «последними известиями». У «уличного фонаря» доктор «пробежал главное»: правительственное сообщение из Петрограда об образовании Совета Народных Комиссаров, установлении в России советской власти и введении в ней диктатуры пролетариата» (191); «Величие и вековечность минуты потрясли его и не давали опомниться» (192), «Оказалось, что он опять стоит на своём заколдованном перекрёстке» (192). В парадном «высокого, пятиэтажного дома» он сталкивается с «подростком лет восемнадцати в негнувшейся оленьей дохе, мехом наружу, как носят в Сибири», возникает «недоразумение», доктор и «мальчик» расходятся. «Полный прочитанного» доктор «направился домой», по пути прихватив «тяжёлую колоду» на дрова («бытовая мелочь» (193)). Дома Юрий Андреевич «протянул тостю» (Александру Александровичу) газету и делится с ним своими впечатлениями («громко разговаривал с собой» (193); «монолог, произносимый Юрием Андреевичем себе под нос» (194)): «— Какая великолепная хирургия! Взять и разом артистически вырезать старые вонючие язвы» (193); «Это небывалое, это чудо истории, это откровение ахнуто в самую гущу продолжающейся обыденщины, без внимания к её ходу <...> в самый разгар курсирующих по городу трамваев. Это всего гениальнее» (194).

Третья четвёрка глав, 9–12-я, органично продолжая раскрытие образа времени и образа героя, передаёт события «предсказанной зимы»: «настала зима, какую именно предсказывали <...> их было три подряд, таких страшных зимы <...> Старая жизнь и молодой порядок ещё не совпали» (194). Происходят «перевыборы», «перемены» (195), Живаго «служит»: «нашими лишениями я горжусь» (196, конец 9-й гл.); «Живаго

бедствовали»: Антонина Александровна меняет «малый зеркальный шкаф» на дровишки (199). «Выжав забелённого молоком кипятку с сахаринном, доктор направился к больной» (197, 10-я гл.). 11-я глава показывает «случай» из практики доктора Живаго – в доме «близ Тверской заставы»: обход и обыск военной комиссии, «ужас» заболевшей женщины (199), диагноз доктора: «это сыпной, и притом в довольно тяжёлой форме» (200) и его дельный житейский совет мужу больной (300). 12-я глава продолжает действие в домкомме: представительница райсовета, выбранная на собрании председательницей, беседует с «тёткой Фатимой» (201–202): «Я тебя в управдомши проведу, ты только не брыкайся» (202), и проводит жилищную политику «нового порядка»: «Есть решение взять здание в распоряжение райсовета под дом для приезжих и присвоить ему имя товарища Тиверзина, как проживавшего в доме до ссылки, факт общеизвестный» (202). На склад вошёл доктор, встретился с дворничихой, узнал мать поручика Галиуллину: «Пойдём. Я тебе сейчас пролётку справлю. Я знаю, кто ты. Он тут был два дня, сказывал <...> А товарищ Дёмина знаешь кто? Оля Дёмина, у Лары Гишаровой мамыши в мастерицах служила. Вот кто. И тоже отсюда. С этого двора. Пойдём» (204, конец 12-й гл.).

Последняя четвёрка глав, 13–16-я, завершает шестую часть «Московского становище». В 13-й главе продолжается ночной поход доктора, Оля Дёмина рассказывает о Ларе, её семье: «Нынешний год видалась с ней. Приезжала <...> Головой она за Пашку вышла, а не сердцем, с тех пор и шала. Уехала <...> Я от неё скрыла, брата её, военного, похоже, расстреляли» (204); дома Антонина Александровна говорит о «курьёзе»: «Будильник! Взял, понимаешь, и пошёл» (205) – «это мой час тифозный пробил, пошутил Юрий Андреевич и рассказал родным про больную с курантами» (205, конец 13-й гл.). И 14-я – маленькая глава – выделяет это предчувствие как событие в жизни героя: «Но тифом он заболел гораздо позже» (205, начало главы); «Он понял, что он готов, дело дрянь, и это – тиф» (205, конец главы). 15-я глава воссоздаёт творчество в бреду: «У него был бред две недели с перерывами <...> Он пишет с жаром и необыкновенной удачей <...> он пишет поэму не о воскресении и не о положении во гроб, а о днях, протекших между тем и другим. Он пишет поэму “Смятение” <...> И две рифмованные строчки преследовали его:

Рады коснуться

и

Надо проснуться» (206, конец главы) – великолепный романнный образец сочетания/связи эпического и поэтического начал/сфер в структуре «Доктора Живаго». 16-я глава фиксирует процесс выздоровления героя: «Он стал выздоравливать» (206) «и радовался вкусной пище, как поэзии и сказке, законным и полагающимися при выздоровлении» (207). Естественно в этой сфере

возникает образ омского брата Евграфа («сводный брат твой», «он такой чудной, загадочный <...> у него какой-то роман с властями» (207)) и его рекомендации «куда-нибудь уехать», «на земле посидеть» (207). «В апреле того же года Живаго всей семьёй выехали на далёкий Урал, в бывшее имение Вырыкино, близ города Юртына» (207, конец шестой части).

Часть седьмая, завершающая первую книгу романа, называется «В дороге» и состоит из 31 глав. Это – самая большая по объёму часть первой книги, воссоздающая дорожный сюжет, историю поездки, путешествия Громеко/Живаго «на далёкий Урал» и вместе с тем рисующая (в духовном, метафизическом плане) важную часть жизненной дороги, духовного пути героя. Главы седьмой части выстраиваются в ритме 4 – 3 – 5 – 5 – 5 – 5 – 4.

Первые четыре главы показывают время сборов в дорогу: «Настали последние дни марта <...> В доме Громеко шли спешные сборы в дорогу» (207), «эти хлопоты выдавались за генеральную уборку перед Пасхой. / Юрий Андреевич был против поездки» (208). Семейный совет был жизненно-содержательным и закончился ожидаемо: «Однако к чему спорить? Вы решили ехать. Я присоединяюсь. Надо выяснить, как это теперь делают» (208, 1-я гл.). «Для того, чтобы об этом справиться, Юрий Андреевич пошел на Ярославский вокзал» (209) – «Добывайте командировку, – говорил ему носильщик в белом фартуке <...> Поезда теперь редкость, дело случая. <...> Ну и это самое (он щёлкнул себя по горлу)... Совсем святое дело» (209, 2-я гл.). В 3-й главе «зять и тесть» отовариваются/«затовариваются» в «закрытом распределителе» (209) – заслужили. «Тем временем» Антонина Александровна занималась отбором вещей для упаковки (210). Жизненные «наставления», «соображения» звучали в голове «хозяйки Тони», как «какой-то тайный голос»: «Ткани, ткани <...> Целесообразны соль и табак. Деньги в керенках. Самое трудное – документы» (211, 4-я гл.).

Следующие три главы – 5–7-я – канунные, предотъездные. «Накануне отъезда поднялась снежная буря» (211, начало 5-й гл.). Проблема «надзора» была решена, отъезжающим «казалось, что это их последняя ночь в доме <...> В этом отношении они ошибались» (Автор знает всё!), «каждый про себя пересматривал жизнь <...> Антонина Александровна соблюдает перед посторонними светские приличия» (212). «Снежная буря... заглядывала в опустевшие комнаты сквозь оголённые окна <...> как в белую крапинку была тёмная снежная улица, смотревшая в этот прощальный вечер в незанавешенные, голые окна» (212). «На вокзал уходили рано на рассвете» (212). Содержание 6-й главы: снегопад продолжается, «извозчик... усадил всех с вещами в пролётку», Юрия Андреевича «отпустили, без вещей, на вокзал пешком» (213). 7-я глава – вокзальная:

«На вокзале Антонина Александровна с отцом уже занимали место в несметной очереди» (213), Юрий Андреевич «направился» к кассе, в какой компостируют командировочные мандаты», – получил «литер в делегатский», «случай подвергся обсуждению всей очереди» (214): «Это полдела, что у них литер в делегатский. Ты впредь на них погляди, а тогда толкуй» (214); «Неизвестно, куда завело бы сочувствие к доктору и его семье, если бы не новое обстоятельство» (214). Завершает 7-ю главу вокзальная картина с «мобилизованными, привлечёнными к трудовой повинности из Петрограда»: «Их было в Вологду на Северный направили, а теперь гонят на Восточный фронт <...> Под конвоем на рытьё окопов», – «говорил всезнающий законник» (215).

Далее идут 8–12-я главы, представляющие начало восточного/уральского пути доктора Живаго. Восьмая глава даёт «дорожные картины», образы эшелона («длинный эшелон, состоявший из двадцати трёх вагонов (Живаго сидели в четырнадцатом)» (216)), вагонов («Антонина Александровна в первый раз путешествовала в товарном вагоне» (215)), публики («Передние вагоны были военные, в средних ехала вольная публика, в задних – мобилизованные на трудовую повинность» – «пёстрое зрелище» (216)). В 9-й главе живописуется остановка в пути на станции, мена («Отдай, говорю, полотенце за полоток <...> Мена состоялась» (218), «Караул! Разбой! Ограбили» (219)). 10-я глава представляет пассажиров «четырнадцатой теплушки», среди них «выделялись трое»: кастер Притульев, шестнадцатилетний Вася Брыкин и седой революционер-кооператор Костоед-Амурский (219), идёт история Прохора Харитоновича Притульева, «мещанина города Малмыжка», «бывшего кассира петроградской казённой винной лавки», которого сопровождает сожительница Тягунова; а в другой теплушке – другая знакомая, девица Огрызкова – «соперницы были на ножах» (220). В 11-й главе раскрывается история Васи – оказался в поезде (трудоармии) ошибочно, «подлог» – вместо дяди (221), «он был на редкость чист и неспорчен» (222). 12-я глава показывает жизнь в четырнадцатой теплушке: революционер-кооператор Костоед-Амурский в гостях у Живаго, идёт разговор о жизни, мужике и революции (наверху), а внизу «шёл общий разговор между Притульевым, Воронюком [конвойный]» (219), Тягуновой и Васей (223) – приближались «родные места» Притульева и Васи. Глава заканчивается «знаками» Пелагеи Тягуновой Васе: «Дай, мол, срок, всё устроится само собой, будь покоен» (224), которые явно важны для Автора-повествователя.

Следующий повествовательный «пролёт» седьмой части образуют 13–17-я главы, центральная пятёрка глав дорожного сюжета («В дороге»). Глава 13-я начинается «с неожиданностей» («Когда от среднерусской полосы удалились на восток, посыпались неожиданности» (224)), «участились

остановки поезда среди поля» (224), и содержанием главы становится один «случай» темной ночью (224), «следующее зрелище»: столкновение убежавшего машиниста и матроса: «– Спасибо, буревестнички! Дожил! С наганом на своего брата, рабочего» (225) – «рыжий матрос»: «Фатит катать истерику, товарищ механик. Вылазь с ямы. Даёшь поихалы» (226). 14-я глава продолжает дорожный ритм повествования: «На другой день на тихом ходу... поезд остановился на покинутом жизнью пустыре» (226) – «остатки разрушенной пожаром станции» (226), возникают мотивы «Стрельникова» («– Неужели Стрельников? – Он самый» (226)), бронепоезда, «снежного заноса» («Неделю буран свирепствовал по всему перегону» (227)). Вершинная – 15-я глава фиксирует/показывает «лучшее время их поездки» (228): «Расписка пути заняла трое суток», «В местности было что-то замкнутое, недосказанное» (228), «Стояли ясные морозные дни», «На горе стоял одинокий, отовсюду открытый дом» (228), «Дом дразнил с горы любопытство и печально отмалчивался» (229), «Вечером работающих оделяли горячим сеяным хлебом свежей выпечки» (229). Ещё одну «вершину» этой романной части даёт 16-я глава: «Развалины станции полюбили» (229), «На станцию возвращались вечерами, когда садилось солнце» (230), «Когда отгребли последний снег... открылся весь насквозь и стал виден ровный, стрелюю вдаль разлетевшийся рельсовый путь» (230). В 17-й главе Юрий Андреевич и Антонина Александровна «пошли в последний раз полюбоваться красотой расчищенной линии» (230) и стали свидетелями столкновения Огрызковой и Тягуновой: «Мало тебе, суке, колпака моего, раззевалась на детскую душеньку... малолетнего ей надо испортить. – А ты, знать, и Васеньке законная?» (231). «Не кончится это добром» (231) – предчувствует Антонина Александровна (конец 17-й главы).

Следующий «пролёт» седьмой части образуют 18–22-я главы, небольшие по объёму повествовательные фрагменты/моменты, которые в единстве представляют внутренние переживания/настроения главного героя. «Вдруг всё изменилось, места и погода <...> На Юрия Александровича напала сонливость» (232, 18-я гл.). «Пока отсыпался Юрий Андреевич, весна плавилась и перетапливала всю ту уйму снега...», «Чудо вышло наружу <...> Воде было где разгуляться... Юрий Андреевич проснулся ... и стал слушать» (233, 19-я гл.). «С приближением к горнозаводскому краю местность стала населённое, перегоны короче, станции чище», «Из обмолвок здешней публики... Юрий Андреевич вывел заключение, что на севере белые берут перевес и захватили или собираются взять Юрятин <...> Силами белых в этом направлении командовал хорошо известный Юрию Андреевичу Галиуллин» (231, 20-я гл.). «Юрий Андреевич проснулся в начале ночи от смутно переполнившего его чувства

счастья» (233), «Станцию обступал стеклянный сумрак белой ночи» (234), «В окрестности был водопад <...> Он внушал доктору чувство счастья во сне» (234). «Внизу в теплушке разговаривали двое» (234), в разговоре звучат мотивы Рыньвы, возникают сказочные образы Стрельникова и «князя Галилеева» (235). 22-я глава завершает этот дорожный фрагмент высшей, волшебной, весенней нотой: «Ближе к утру Юрий Андреевич проснулся в другой раз. Опять ему снилось что-то приятное <...> Опять шумел водопад <...> Веяло чем-то новым, чего не было прежде. Чем-то волшебным, чем-то весенним <...> Чем-то прозрачным, черняво-белым, пахучим. “Черёмуха!” – угадал Юрий Андреевич во сне» (235–236).

Далее главы 23–27 образуют ещё одну, последнюю в этой части пятёрку глав, выводящую к финалу дорожный сюжет седьмой части. «Утром Антонина Александровна говорила: – Удивительный ты всё-таки, Юра. Весь соткан из противоречий <...> Тут шум, споры, переполох, а тебя не добудиться. Ночью бежали кассир Притульев и Вася Брыкин <...> И Тягунова с Огрызковой <...> И Воронюк <...> Как они скрылись, вместе или врозь, и в каком порядке – абсолютная загадка» (236) – так начинается 23-я глава, которая в своём развитии показывает и «прелесть» природы (236–237), и Юрину догадку/разгадку «побега»: «А наши трудармейцы и дамы молодцы, что удрали. И, я думаю, – мирно, никому не сделавши зла. Просто бежали, как вода бежит» (237, конец главы). Открывает «загадку» побега 24-я глава: на фоне «водопада» («ужас и восхищение» (237)) и «рассвета» («слетела... тяжёлокрылая птица» – «“Роньжа” – её уральское имя» (238)) Вася успокаивает свою спутницу: «“Ну об чём вы тужите? Тётю Катю, Катю Огрызкову, вы без зла толкнули с вагона, задели бочком, я сам видел. Встала она потом с травы целёхонька, встала и побежала. И то же самое дядя Прохор, Прохор Харитоныч. Догонют они нас <...> Главная вещь, не надо себя кручинить” <...> / Тягунова поднялась с земли и, подав руку Васе, тихо сказала: / – Пойдём, касатик» (238). Следующие, 25-я и 26-я главы показывают ещё одну дорожную «остановку»: «Скрипя всем корпусом, вагоны шли в гору по высокой насыпи» (238), «машинист остановил поезд, чтобы запастись топливом» (239), «Все чувствовали, что час испытаний близок» (239), «Шутники провожали пыльщиков и пыльщиц раскатистым зубоскальством» (240, 25-я гл.). «Это была та пора весны, когда земля выходит из-под снега почти в том виде...» (240); «Где-то далеко-далеко пробовал силы первый соловей» (240). Пыльщики Юрий Андреевич и Александр Александрович беседуют на важную тему – философию поведения. «Мне нравится твоя постановка вопроса», – говорит Александр Александрович. – «Помнишь ночь, когда ты принёс листок с первыми декретами, зимой в метель <...> Эта философия чужда мне. Эта власть против нас <...> Да, но разве мы едем

в такую даль огородничать? <...> Нет, история собственности в России кончилась. А лично мы, Громеко, расстались со страстью стяжательства уже в прошлом поколении» (241, 26-я гл.). В 27-й главе доктор вышел из своего вагона на большой, «разряда узловых» станции и оказался на линии фронта («к самому фронту подъехали» (242)), на берегу широкой реки («От рыбака Юрий Андреевич узнал, что река, перед которой он стоял, – знаменитая судоходная река Рыньва, что железнодорожная станция близ реки – Развилье, речное фабричное предместье города Юрятина» (244)), часовые ведут его «в вагон к военному» («особый поезд краевого военкома Стрельникова» (244)).

Последние четыре главы седьмой части, завершая первую книгу, дают встречу доктора Живаго и Стрельникова в дорожном сюжете, в вагоне военкома. В 28-й главе доктор видит «штаб-квартиру беспартийного военспеца, ставшего в короткое время славой и грозой целой области» (245): «с порога увидел свои документы», «по полу между столами ползал военный техник» (245), «все занялись машинкой» (246), «и от нечего делать он стал со своего места смотреть через всё помещение в противоположные окна» (246). 29-я глава показывает – через восприятие доктора Живаго – картины станционной жизни («паровозное кладбище», «зрелище заброшенности» (246)), шествие арестованных («раненый гимназист между двумя красноармейцами» (247)) и явление Стрельникова («сразу становилось ясно, что этот человек представляет законченное явление воли» (248)). Стрельников тотчас разъяснил военную ситуацию и «чепуху» с доктором: «Вас приняли за другого <...> вы свободны» (249). Стрельников заглянул в «трудовую книжку товарища», увидел фамилию Живаго: «Доктор Живаго... Что-то московское» (249), и пригласил доктора в свой вагон.

Целиком стрельниковская 30-я глава даёт ответ на вопрос, поставленный в начале: «Кто же был, однако, этот человек?» (249). Причём биографические данные (семейные, университетские, военные) органично связываются с современными («послужной список последнего периода», «его формуляр», «новые задачи, новые задачи, непосредственно военные, стратегические и оперативные» (249, 250)) и соотносятся с авторской характеристикой личности, индивидуальных «психологических особенностей»: «Две черты, две страсти отличали его. Он мыслил незаурядно ясно и правильно» (250), «Стрельников с малых лет стремился к самому высокому и светлому <...> Разочарование ожесточило его. Революция его вооружила» (251, конец главы).

Последняя, 31-я глава седьмой части показывает разговор/спор Живаго и Стрельникова в стрельниковском вагоне. «Насмешливый» в начале тон Стрельникова мгновенно переходит в апокалиптический регистр: «Сейчас страшный суд на земле, милостивый государь, существа

из Апокалипсиса с мечами и крылатые звери, а не сочувствующие и лояльные доктора» (251), на «угрозу и вызов» Юрий Андреевич отвечает достойно: «Оправдываться мне перед вами не в чем» (252). «Оставшись один», Стрельников телефонирует на вокзал, заботится о «мальчике» («Подать медицинскую помощь, если нужно» (252)), думает о нём («Вырос и бунтует против нас» (252)), разыскивает в «панораме ... тот район над рекой, где была их квартира. А вдруг жена и дочь до сих пор там? <...> Это ведь из совсем другой жизни» (252). Глава, часть, первая книга заканчиваются размышлениями Стрельникова: «Надо сначала кончить эту, новую, прежде чем вернуться к той прерванной. Это будет когда-нибудь, когда-нибудь. Да, но когда, когда?» (252).

Таким образом, складывается следующий содержательный вид композиционной структуры первой книги романа «Доктор Живаго».

Часть первая. Пятичасовой скорый: 1–8: 4–4.

Часть вторая. Девочка из другого круга: 1–21: 4–4–2–7–2–2.

Часть третья. Ёлка у Свентицких: 1–17: 4–5–5–3.

Часть четвёртая. Назревшие необходимости: 1–14: 4–4–2–2–2.

Часть пятая. Прощание со старым: 1–16: 4–4–4–4.

Часть шестая. Московское становище: 1–16: 4–4–4–4.

Часть седьмая. В дороге: 1–31: 4–3–5–5–5–5–4.

Первая книга романа Б. Пастернака состоит из семи частей, причём каждая часть имеет своё выразительное заглавие, содержание, композиционный ритм, смысл которого последовательно раскрываются во внутривчастных главах. Первая книга – начало романного повествования о главном герое, имя которого – заглавие «Доктор Живаго». Число в поэтике композиции романа Б. Пастернака – «символ гармонии, порядка в противовес Хаосу»¹⁷, и числительное «первая» означает 1 (единицу), т. е. «существо»¹⁸, «символ вертикально стоящего человека (микрокосма)», а также «символ творческого начала, энергии, красоты... символ Вселенной»¹⁹. Число «восемь» (часть первая) «является символом космического равновесия, микро- и макрокосма»²⁰, а число «семь» (семь глав) – «символ высших космических начал, семи “верховных букв”, символ интеллектуальности»²¹.

В семи частях первой книги 123 главы (8+21+17+14+16+16+31), которые выстраиваются в последовательности 1–4-я (60 глав) и 5–7-я (63 главы) и на уровне числовой содержательности образуют восходящий ряд: 1 2 3, интегральное число которого – 6 (1+2+3). Показателен и внутривчастный композиционный ритм романа. Все части начинаются четырёхглавыми «пролётами», а седьмая часть и открывается, и завершается четырёхглавыми «единствами». В форме

композиции получается на внутрочастном числовом уровне 4 (четвёрка) в 6 (шестёрке). Число «четыре» представлялось «символом силы, мужества, духовного совершенства, целостности, универсальности Мироздания»²², а «число “шесть”... символом сотворения Вселенной, жизненной силы, неба, борьбы добра со злом»²³.

Так, анализ композиционной сферы романа позволяет отчётливее представить и глубже понять как строение «целого», так и концептуальную содержательность «романа о человеке» Б. Пастернака.

Впереди *вторая книга*, части восьмая–семнадцатая романа «Доктор Живаго», которые складываются в определённой последовательности: семь частей (восьмая–четырнадцатая) и три финальные части – часть пятнадцатая. Окончание, часть шестнадцатая. Эпилог и часть семнадцатая. Стихотворения Юрия Живаго.

Примечания

- 1 См.: *Борисов В.* Река, распахнутая настежь. К творческой истории романа // Пастернак Б. *Доктор Живаго* : роман. М. : Кн. палата, 1989. С. 409–429.
- 2 См.: *Пастернак Е.* Борис Пастернак. Материалы для биографии. М. : Сов. писатель, 1989. С. 577–624.
- 3 См.: *Борисов В., Пастернак Е.* Материалы к творческой истории романа // *Новый мир*. 1988. № 6. С. 205–248.
- 4 См.: «Доктор Живаго» Б. Пастернака. С разных точек зрения / сост. Л. В. Бахнов, Л. Б. Воронин. М. : Сов. писатель, 1990.
- 5 См.: *Лавров А.* «Судьбы скрещенье» : теснота коммуникативного ряда в «Докторе Живаго» // *НЛО*. 1993. № 2. С. 241–255.
- 6 См.: *Гаспаров Б.* Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Пастернака «Доктор Живаго» // *Гаспаров Б.* Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М. : Наука : Изд. фирма «Восточная литература», 1993. С. 241–273.
- 7 См.: *Смирнов И.* Роман тайн «Доктор Живаго». М. : Нов. лит. обозрение, 1996.
- 8 См.: *Колобаева Л.* От временного к вечному (феноменологический роман в русской литературе XX века) // *Вопр. литературы*. 1998. № 3. С. 132–144.
- 9 См.: *Куликова С., Герасимова Л.* Полидискурсивность романа «Доктор Живаго» // *В кругу Живаго* : Пастернаковский сборник / ed. by L. Fleishman. Stanford : Stanford University Press, 2000. С. 123–154.
- 10 См.: *Исаев С.* Композиция текста в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // *Филологические науки*. 2005. № 3. С. 3–15.
- 11 *Пастернак Б.* Собр. соч. : в 5 т. Т. 5. Письма. М. : Худож. лит., 1992. С. 510.
- 12 Там же. С. 460.
- 13 *Пастернак Б.* Собр. соч. : в 5 т. Т. 3. Доктор Живаго : роман. М. : Худож. лит., 1990. С. 7. Далее ссылки в тексте даются по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- 14 См.: *Ванюков А.* «Доктор Живаго» Б. Пастернака : «идея целого» и «композиция романа о человеке» (Введение. Книга первая. Часть первая. «Пятичасовой скорый») // *Бочкаревские чтения* : материалы XXX Зональной конф. литературоведов Поволжья (Самара, 6–8 апреля 2006 г.). Самара : Изд-во СГПУ, 2006. С. 185–191.
- 15 См.: *Маковский М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках : Образ мира и миры образов. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. С. 389, 392.
- 16 См.: *Буров С.* «Повесть о двух городах» Ч. Диккенса в «Докторе Живаго» Б. Пастернака // *Рус. лит.* 2004. № 2. С. 90–134.
- 17 *Маковский М.* Указ. соч. С. 388.
- 18 Там же. С. 389.
- 19 Там же. С. 390.
- 20 Там же. С. 392.
- 21 Там же.
- 22 Там же. С. 391.
- 23 Там же.

Образец для цитирования:

Ванюков А. И. Книга в структуре романа Б. Пастернака «Доктор Живаго»: первая книга // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика*. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 460–472. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-4-460-472>

Cite this article as:

Vanyukov A. I. A Book in the Structure of B. Pasternak's Novel *Doctor Zhivago*: Book One. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 460–472 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-4-460-472>